

А. К. Кириллов

*Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук,
Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация*

А. Г. Караваева

*Государственный архив Томской области,
г. Томск, Российская Федерация*

СКРЫТЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВЕЛИКОГО СИБИРСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ: ВЗЛОМ СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ (ХАРЛОВСКИЙ КОНФЛИКТ 1893 ГОДА)

Аннотация. Переселение крестьян в Сибирь во второй половине XIX — начале XX века — явление, хронологически параллельное трансатлантической эмиграции европейцев. Одна из загадок Великого сибирского переселения — то, что оно не достигло размеров, достаточных для снятия остроты земельного вопроса в центре страны. Решения этой загадки авторы ищут в конфликтах между старожилами и переселенцами. Действуя методом отдельных случаев, авторы обращают внимание на один из немногих подробно документированных конфликтов такого рода — столкновение в деревне Харловой (Алтайский округ Кабинета ЕИВ) в 1893 г. Сопоставляя взаимоисключающие утверждения разных сторон, раскрывая умолчания, авторы восстанавливают механизм возникновения конфликта. Выясняется, что переселение воронежских крестьян в алтайскую деревню даёт яркий пример цепной миграции: новые переселенцы приходили по наводке поселившихся ранее. Так среди крестьян, причисленных к харловскому обществу, складывалась группа «новых старожилов», готовых поддержать интересы переселенцев. Непосредственным поводом к конфликту явилась попытка большей группы переселенцев обманом получить право

жить в Харловой: получив согласие общества выдать два или три приёмных приговора, ходонок вернулся с семьёю десятками своих односельчан. Этот нетипичный метод причисления к старожильческому обществу высвечивает, однако, общее явление: почву для конфликта создавало противоречие интересов двух групп крестьян. Переселенцы хотели начать жизнь в Сибири при помощи тех, кто устроился здесь раньше; старожили же были готовы принять лишь небольшое число новых соседей. Переселенческая волна не могла растечься по всему фронту сибирских просторов, она должна была пройти через узкие каналы уже обжитых мест — и это накладывало существенное ограничение на высоту этой волны.

Ключевые слова. Цепная миграция, переселение на Алтай, капиталистическая Россия, сельское общество, крестьянская община, приёмный приговор.

Информация о статье. Дата поступления 7 октября 2018 г.; дата принятия к печати 5 декабря 2018 г.; дата онлайн-размещения 27 декабря 2018 г.

A. K. Kirillov

*Institute of History, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation*

A. G. Karavayeva

*State archive of the Tomsk region,
Tomsk, Russian Federation*

HIDDEN TECHNOLOGIES OF THE GREAT SIBERIAN MIGRATION: NEWCOMERS BREAKING INTO THE OLD RESIDENTS COMMUNITY (KHARLOVA VILLAGE CONFLICT OF 1893)

Abstract. Peasant migration to Siberia in the second half of the 19th — the first half of the 20th century was a chronological parallel to the mass migration of Europeans across the Atlantic. One of the issues of the Great Siberian migration is the reasons for which it did not reach the proportions sufficient to defuse the land crisis

in European Russia. The authors of the article are trying to solve this problem by studying the conflicts between the old Siberian residents and the migrants. By applying the case study method, the authors draw attention to one particular case, a clash in Kharlova village (Altai District of Cabinet of His Majesty Emperor) in 1893. It is one of the few conflicts described in detail. The mechanism of the conflict origination is discovered by confronting mutually exclusive statements of both parties and reconstructing hidden facts. It is proved that the resettlement of the Voronezh region peasants to the Altai village was a bright example of chain migration. New migrants would come on the advice of their predecessors. Thus, a group of the “new old residents” sympathetic to the newcomers was formed among the peasants belonging to the Kharlova community. The immediate reason for the conflict was an attempt of a big group of migrants to get a right to live in Kharlova village by cheating. A delegate of this group obtained the community council permission to come with a couple more of adult peasants and returned next year with six dozen of his compatriots. Though untypical, this method of penetration into an old residents community highlights a common issue: the ground for the conflicts was created by the two peasant groups’ contradiction of interests. It was important for the newcomers to start new life with the help of those who had already put down roots in Siberia; but the old residents were ready to receive only a small number of new neighbors. The rising tide of peasant migration could not spread evenly over the Siberian expanse; it had to pass through narrow channels of the already inhabited places — which considerably restricted the tide height.

Keywords. Chain migration, resettlement to Altai, capitalist Russia, rural society, peasant community, adoption act.

Article info. Received October 7, 2018; accepted December 5, 2018; available online December 27, 2018.

Россия XIX века — страна, ревнивые взгляды которой обращены на запад. От паровоза до социализма — вещи, идеи, явления приходят с Запада независимо от

воли самовластных правителей. Есть, однако, видное европейское явление, не сработавшее в России. Это трансатлантическое переселение второй половины XIX – начала XX века [3]. Массовая миграция так или иначе затронула все народы. Общее число европейцев, перебравшихся в США между Наполеоновскими войнами и Великой депрессией, превышает 50 млн человек [1]. В особенности же пострадали крестьянские страны, не входящие в число промышленных лидеров. Хрестоматийные примеры – Ирландия и Швеция. За полвека, в течение которых Россия дошла от Великих реформ до Столыпинской реформы, из Швеции уехало в США около миллиона человек [14]. Как будто, не так уж и много – но каждый пятый швед накануне Первой мировой войны жил в США. Ирландию, поражённую тяжким голодом 1840-х годов, за следующие шесть десятилетий покинуло более 4,5 млн человек – столько же, сколько осталось в стране к 1911 г. [2]. Таков был кризис старого образа жизни, результат аграрного перенаселения.

Кризис традиционного крестьянского хозяйства – одна из острых проблем и в России капиталистического периода. Яркое проявление недостаточности наделов – наделная и вненаделная аренда земли, к концу XIX в. ставшая нормой для крестьянских хозяйств [7, с. 98–134]. М. А. Давыдов, усложняя картину, приводит веские доводы в пользу того, что общинные традиции выступали более сильным тормозом крестьянского хозяйства, чем нехватка земли [8, с. 151–229]. Но остаётся несомненным, что земельный фонд Европейской России был использован, а число крестьян росло быстро. Крестьянство российское в массе своей стояло перед выбором: или менять образ жизни, отказываясь от земледелия, или искать счастья в чужой стороне.

Россия не осталась в стороне от трансатлантического движения. С 1899 по 1916 г. из Российской им-

перии в США прибыло 2,7 млн человек, значительная часть которых осталась навсегда [15]. Для России с её 120-миллионным населением, год от года растущим, это мелочь. Незначительность российской эмиграции в США едва ли удивит нас. У крестьян Европейской России была другая, веками накатанная, дорожка для ухода от непосильных невзгод: Сибирь. Уже с конца XVII в. старообрядцы, не желающие сдаваться Антихристу, знали, что свободу надо искать на диких просторах Алтая [9; 10]. С отменой крепостного права возможностей перебраться в Сибирь прибавилось. К началу 1880-х годов поток переселенцев стал достаточно заметным, чтобы вызвать обсуждение: насколько желательным это явление, не повредит ли оно российским помещикам за счёт увеличения цен на рабочие руки в Европейской России. Немного поколебавшись, правительство поддержало переселение. Первым свидетельством тому стали временные правила 10 июля 1881 г., в которых шла речь о подготовке силами государственных властей переселенческих участков в Сибири. Закон 13 июля 1889 г. предусмотрел не только целую систему организации переселения, но даже льготы для переселенцев [12, с. 37–60]. Помощь «законным» переселенцам (получившим предварительное разрешение властей) сочеталась с запретом переселения самовольного. Но иллюзии, что таким путём можно будет ограничить рост переселения, быстро провалились. После того, как в Сибирь пришла железная дорога, пришлось браться за переселение всерьёз. В 1896 г. при МВД было создано Переселенческое управление, которое и занялось системной постановкой всего дела от предварительного информирования крестьян в местах выхода до помощи при заселении на переселенческие участки.

Переселение русских крестьян в Сибирь с точки зрения правительства существенно отличалось от океанского переселения шведов или ирландцев. Там-

бовские, Воронежские и Курские мужики, обустроившиеся в Сибири, не покидали Россию, а помогали её осваивать, заменять кочевую неустроенность «иностранцев» оседлым земледельческим хозяйством, укрепляли политические позиции России в Азии. Правительство русское, в отличие от шведского, не только не противилось этому, но тратило деньги на поддержание системы помощи переселенцам (льготные тарифы, льготные переселенческие ссуды, податные льготы, продовольствие и медицинское обслуживание в пути, межевание земли в Сибири) [11, с. 85–100]. И тем не менее, переселение — даже на краткой стадии высшего подъёма при П. А. Столыпине — в лучшем случае устраняло лишь естественный прирост населения. Общее число столыпинских переселенцев, закрепившихся в Сибири, оценивается в те же 2,7 млн человек [13, с. 166–167]. По своей волшебной силе воздействия на Сибирь это явление заслуженно получило титул Великого сибирского переселения [5]. Но оно так и не стало Великим российским переселением.

Причины этого коренятся отчасти в особенностях жизни Европейской России после Великих реформ. Выкупные платежи за землю, нередко побуждающие общину ограничивать выход крестьян; бурно растущая промышленность, готовая поглотить массу рабочей силы как сезонными, так и постоянными рабочими — таковы внутренние факторы, отрицательно влиявшие на переселение. Но кроме этого, было и сопротивление сельских обществ старожилов, не желающих принимать новосёлов. Конфликты между переселенцами и старожилами в Западной Сибири — явление отнюдь не местного значения. Серия таких конфликтов привлекла внимание российских публицистов уже в начале 1880-х годов; не исчезло это явление и в дальнейшем.

Парадокс: велика Сибирь, а переселяться некуда. Парадокс этот объясняется двумя явлениями. Пер-

вое — неготовность переселенцев селиться «в чистом поле» (в лесу) вдали от людей. Подобрать место, построить дом, завести скот, устроить огород, поднять целину, и всё это одновременно, и в суровом климате — такой набор подвигов был чрезмерной задачей даже для русского мужика, способного, по М. Е. Салтыкову-Щедрину, и на необитаемом острове «двух генералов прокормить». До тех пор, пока правительство не совместило межевание специальных переселенческих посёлков с выдачей домообзаводственных ссуд, переселенцы вынуждены были подселяться к старожилам, первый год (годы) работая батраками. Даже в столыпинские времена эта практика сохранялась.

Вторая причина конфликтов — это «переполнение буфера обмена» между Европейской Россией и Сибирью за счёт использования переселенцами торных дорожек. Тот поток переселенцев, который был, не рассеивался равномерно по всем сибирским (или хотя бы алтайским) деревням, но сосредотачивался в малой части поселений. Таков был результат действия «цепной миграции».

Понятие цепной миграции (chain migration) используется исследователями переселений с 1964 г., после появления статьи Джона и Леатрис Макдональд. По их определению, цепное переселение — это явление, при котором новые переселенцы узнают о своих возможностях, переезжают, обустраиваются на новом месте и находят работу при посредстве первичных общественных связей (primary social relationships) со старыми переселенцами (previous migrants) [4]. Симона Вегге вносит существенное уточнение: речь идёт о людях, которые более или менее независимы друг от друга, «их совместная жизнь в новом месте не является неизбежной» [6]. То есть, речь не идёт о перевозке отходниками жены и детей. Цепная миграция — это переезд соседей и друзей по совету тех, кто благополучно устроился на новом месте.

Макдональды выдвинули понятие цепной миграции, чтобы преодолеть ограниченность «грубых экономических моделей притяжения-выталкивания». До этого социологи изучали зависимость переселений от «выталкивающих» (неблагоприятных) условий в местах выхода и «притягивающих» (благоприятных) — в местах поселения. Понятие цепной миграции позволило выделить новый класс явлений, влияющих на интенсивность переселения и обеспечивающих «долгий след» краткосрочным экономическим факторам. Если, например, первичным толчком к переселению послужил голод, то и после его преодоления переселение сохранялось за счёт писем (а то и денежных переводов) от уехавших родственников и друзей. Появилось и дополнительное объяснение переменам в составе переселенцев. Поскольку преемникам всегда проще, чем первопроходцам, цепная миграция позволяет переселяться не только молодым и сильным, но и тем, кто иначе не рискнул бы на переезд.

Именно таким путём — по стопам уехавших ранее — шла существенная часть переселенцев в до-транссибовскую эпоху. Переселенцы ехали не просто в Сибирь, но — к своим. На место одного переселенца, благосклонно воспринятого старожилыми, приезжали десять, которых пускали уже без удовольствия. На место десятка приходила сотня, и это вызывало открытое возмущение. Историкам, использовавшим наблюдения современников, кое-что известно о противоречиях между переселенцами и старожилыми в Сибири. Но недостаточно изучен механизм того, как противоречие интересов превращается в осязаемый конфликт — с драками и взаимными жалобами, а иной раз — погромами и убийствами. Ведь законодательство, как будто, не оставляло места спорам. Положение о крестьянах чётко устанавливало, что право на земельный надел имеют лишь члены сельского общества (общины); принятие же пришлых в члены общества зависит

от сельского схода. Если сход не выдаёт переселенцам приёмного приговора, они не имеют права на земельный надел. Откуда же в таком случае берётся борьба?

Изучение механизма возникновения старожильческо-переселенческих конфликтов в Сибири опирается на метод отдельных случаев. Изучаются те исключительно редкие документальные подборки, которые дают нам и позицию старожилов, и точку зрения переселенцев, и мнение чиновников, притом что взгляд каждой стороны представлен разными документами. Это даёт перекрёстные свидетельства, которые нередко содержат взаимоисключающие утверждения. Чтобы на их основе установить истину, требуется не отбрасывать одно из утверждений, а находить разумное объяснение сочетанию спорных тезисов.

В наших статьях последних лет уже показано, что конфликты старожилов и переселенцев возникали из сотрудничества, которое опирается на неоднородность старожилов и на заинтересованность их (если не всех, то части) в получении от переселенцев денег либо трудовых ресурсов. Показано, что переселенцы и старожилы в борьбе за свои права умели использовать тонкие юридические механизмы, основанные на особом отношении власти к переселенцам хотя и не записанным в состав общества, но имеющим своё хозяйство. На сей раз речь пойдёт о целенаправленном использовании грубой «военной хитрости». Предмет изучения — столкновение в Харловском обществе Кольванской волости. На начало конфликта эти земли входили в Бийский округ, к его завершению оказались в Змеиногорском.

Деревня Харлова (Харлово), ведущая свою историю от 1747 г., стала одним из форпостов колонизации Алтая на этапе становления Кольвано-Воскресенских заводов. Соединённая с крупными административными центрами водным путём (впрочем, не прямым — по реке Чарыш, петляющей в алтайских предгорьях),

Харлова располагалась почти у края русской ойкумены XVIII века, обозначенного Кольвано-Воскресенской пограничной линией. Харлова была не первым кандидатом на заселение крестьянами, уходящими от малоземелья Европейской России. Однако к началу 1890-х годов переселенцы показали и здесь.

Встречные жалобы

В начале июля 1893 г. в далёкой от губернского центра Кольванской волости стало известно о скором проезде самого томского губернатора. Крестьяне воспользовались этим в своих видах. 10 июля 1893 г., когда Герман Августович Тобизен оказался в селе Кольванском, жители деревни Харловой атаковали его сразу несколькими прошениями. Старожилы жаловались на притеснения от переселенцев, переселенцы — на притеснения от старожилов.

Соблюдая строгий бюрократический порядок, старожилы подали и приговор сельского схода о выборе доверенного¹, и ходатайство этого самого доверенного (Климентия Архиповича Гуляева) с изложением старожильческих страданий². В общем эти документы похожи: жалуясь на самовольство переселенцев, старожилы просили их удалить из селения. Приговор Харловского схода не удостоился отдельной регистрации в крестьянском отделении губернского управления: по логике делопроизводства он составлял лишь приложение, подтверждающие полномочия доверенного. Но сопоставление этих двух документов даёт дополнительные штрихи к пониманию дела.

Общественный приговор просто, как о технической подробности, сообщает о том, что приток переселенцев начался в 1891 г. Между тем, 1891 — год тяжкого неурожая и знаменитого голода в Европейской

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-3. Оп. 45. Д. 42. Л. 29–30 об.

² Там же. Л. 26–28 об.

России, который не просто впечатлил общественное мнение, но и вынудил правительство менять политику. Министры, годами напролёт заботившиеся о положительном торговом балансе ради накопления золотого запаса, закрыли экспорт хлеба и приступили к раздаче ссуд. Игнорировать такую беду было бы чересчур вызывающе, и ходатайство Гуляева упреждает упреки в чёрствости. Специально подчёркивается: некоторые из прибывших в 1891 году – выходцы из урожайных губерний, приходили они «совершенно с полными средствами и некоторые даже с капиталами».

Не вполне удачно сформулирована в общественном приговоре и проблема земли. Переселенцы «распахивают первые залого», жалуются старожилы. «Первые» означает: лучшие; кроме этого, следовательно, остаются худшие. Тем самым старожилы признают, что свободные земли («залого») не просто были на момент прихода захватчиков, но остаются даже на момент жалобы. Это могло бы вызвать недоумение читателя: о чём же тогда спор? Упредить вопросы Гуляев пытается таким объяснением: «В обществе малолетние дети год от году достигают совершеннолетия и неминуемо должны вступить во владение последним малым количеством угодий».

Конфликты между старожилами и переселенцами в Западной Сибири продолжались к моменту столкновения в Харлово уже более десяти лет. За это время сибиряки успели убедиться: хотя по закону для проживания в сельском обществе нужен приёмный приговор, на деле власти задавались вопросом о справедливости. Поэтому важную роль играла проблема первых контактов. Если ссора начиналась с дружбы, то в глазах начальства это служило важным доводом в пользу переселенцев.

Общество в своём приговоре утверждало, что переселенцы поставили хозяйство «самопроизвольно» и «без всякого платежа в общество». Получается: просто

пришли и стали жить, поправ все права и интересы местных. Гуляев, повторяя слово «самопроизвольно» по отношению к запашке новосёлов, ничего не говорит о бесплатности — таким образом он уходит от весьма неточной формулировки, заменяя которую более точным описанием сюжета было бы для старожилов невыгодно. Взамен Гуляев намекает на личный фактор: «общество по малоземелию и совершенно безлесию на отопление переселенцев этих принять в среду свою совершенно не желают, как народ этот весьма строптивый». В одном предложении Гуляев умудряется соединить две разные причины отказа допускать переселенцев, и одна из них заставляет думать, что более покладистые переселенцы могли бы быть приняты в общество.

Наконец, по-разному изображается в двух документах то, что может произойти в случае невмешательства власти. Общество, упоминая об уже бывших попытках «выдворить» переселенцев «с земельных и сенокосных участков», на которые они отвечают «буйственными поступками», предупреждает о возможности повторения этих «буйств» при борьбе за сенокос. В общественном приговоре сказано, что действия переселенцев могут приобрести уголовный характер. Напротив, Гуляев предупреждает, что переселенцы «вынудят нас до уголовных деяний». Это более тонкий ход: всё равно ведь никто не поверит, чтобы меньшинство (переселенцы) взяло верх над большинством (старожилы). Просьба с позиции силы более похожа на убедительный стимул для вмешательства власти. Так действовали старожилы и в других известных нам случаях.

Приговор Харловского общества и ходатайство К. А. Гуляева датированы соответственно 4-м и 6-м июля 1893 г. Всего одним днём позже, 7 июля (в качестве противовеса?) были составлены два переселенческих документа: коллективная жалоба пяти глав пере-

селенческих семейств³ и отдельное прошение Петра Андреевича Емельянова⁴ — центральной фигуры в партии крестьян, прибывших в Харлову двумя годами ранее из села Синие Липяги (волостного центра Воронежской губернии).

Не очень полагаясь на свои же собственные громкие заявления о праве свободно проживать в деревне Харловой «как в пределах своего государства», переселенцы доказывали добровольность принятия их старожилками. Вопреки старожильческим жалобам, они сообщали, что избами обзавелись с согласия общества, и даже платили сборы за право выпаса скота (по 50 коп. за голову) и (некоторые) за право сбора хвороста. Старожилы такое соседство поначалу, как сообщают переселенцы, устраивало, они готовы были даже выдать приёмные приговоры по цене 50 руб. с души, («и мы надеялись упротить общество сбавить сколько-нибудь платы за приговора или же уплатить и эту сумму только с рассрочкой платежа»). И только «с наступлением нынешнего года общество и сельский Староста всеми мерами начали стараться чтобы нас выдворить». А именно: «общество не позволило нам посеять хлеба, несмотря на то, что мы согласны были уплатить в общественный доход аренду, равную уплачиваемому каждым общественником душевому окладу, и наконец, чтобы лишить нас возможности проживать, воспрещено продавать нам сенокосные участки и даже нанимать нас на какие либо работы». Судя по этому описанию, до 1893 года острого противостояния не было; первые два года переселенцы жили в Харловой отнюдь не «самопроизвольно». Ни налоговых платежей (как с членов общества), ни хотя бы платы за пользование землёй с переселенцев не брали, и это показывает, что их рассматривали как временное явление. Однако даже сам факт проживания с согласия

³ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 45. Д. 42. Л. 22–23.

⁴ Там же. Л. 24–25.

старожилов уже лишал силы старожильческие слова о «самопроизвольном» поселении.

Итак: встречные жалобы фокусируют наше внимание на проблеме «самопроизвольности», при этом одна сторона упирает на отсутствие приёмного приговора и своё нежелание его давать, другая — на период мирного сотрудничества.

Цепочка переселения

Описывая систему притеснений старожилов, переселенцы называют поимённо двух старожилов (Алексей Анисимов и Михаил Лихачёв), наказанных за несоблюдение запрета принимать непричисленных переселенцев в работники. Эти имена многое дают для понимания начальной стадии взаимодействия.

Фамилия «Лихачёв» 13 раз встречается среди 77 подписей к старожильческому приговору от 4 июля (документ № 1). Лихачёвы — один из кланов деревни Харловой, между которыми распределяется большинство фамилий участников схода 4 июля. Это самый многочисленный и, по-видимому, самый влиятельный клан: именно Лихачёвы держали в своих руках и должность сельского старосты. Лихачёвым же принадлежали три из семи заимок, приписанных к деревне Харловой по списку населённых мест 1882 г. Поскольку фамилия эта не из самых частых, наиболее вероятно то объяснение, что Михаил Лихачёв — старожил, которого материальные или иные обстоятельства заставили пойти против мнения родственников.

Зато фамилия Алексея Анисимова совпадает с фамилией одного из авторов переселенческой жалобы Игнатия Анисимова и не типична для жителей деревни Харловой. Ясно, что речь идёт о родственнике воронежских крестьян, переселившемся ранее. Может быть, даже о «разведчике», отправленном в Сибирь именно для подготовки переезда всей семьи. Придя в то время, когда земельная проблема ещё не очень

волновала харловских старожилов, Алексей Анисимов успел причислиться, и с формальной точки зрения мы его должны воспринимать как старожила. Но он и подобные ему воплощали собою важную зацепку, позволившую переселенцам 1891 года закрепиться в алтайской деревне.

«Разведчики» наподобие Алексея Анисимова составляли в Харловой меньшинство, но не единичное исключение. Новые данные на эту тему мы находим в отдельном прошении Петра Емельянова. Обвиняя волостного старшину в искажении сведений в угоду старожилам, жалобщик просил «по обстоятельствам настоящего дела присяжное удостоверение чрез опрос общественников» в числе 12 человек, которые почти поровну делятся между представителями самых многочисленных местных кланов (трое Лихачёвых, двое Ларионовых, Паутов, Травников) и представителями редких для Харловой фамилий (двое Анисимовых, Малахов, Болдырев, Донских). Вспомним вновь старожильческий приговор от 4 июля: перечень подписей под ним включает 16 человек, фамилии которых встречаются не более двух раз (при том что в этом перечне отсутствуют и Анисимовы, и Донских). Значит, группа новых старожилов включает более 16 человек. Однако действуют они не одинаково: одни поддерживают переселенцев, другие — общество.

Вернёмся к документам от 7 июля 1893 г. Почему Пётр Емельянов подавал прошение отдельно? Потому что именно ему удалось добыть главный козырь харловских переселенцев — обещание причислить его и его родственников к обществу деревни Харловой, подкреплённое денежным задатком. Именно вокруг факта уплаты этих денег и завязана главная интрига этого дела.

Из ходатайства Емельянова мы узнаём, что он пришёл в Харлову в начале 1891 г.: «Зимой 1891-го года прибыл я из России в Сибирь для приискания места

для нового поселения и остановился в деревне Харловой, Кольванской волости». Пришёл один, договорился с обществом о приёмном приговоре, вызвал отца и братьев. Уплатив 32 руб. в качестве аванса за приёмные приговоры, был, как будто, принят в общество и весной 1892 г. наряду с братом Фёдором обложен податями, а равно включён в число несущих натуральные повинности. Приёмный приговор — явление колоссальной важности, безусловное доказательство права жить в деревне. Как будто, изложение Емельянова убедительно подтверждает его право жить в Харловой. Непонятно одно: почему вдруг общество «потом отказалось» от выдачи приёмного приговора и «с наступлением настоящего года» (1893) стало выталкивать переселенцев из деревни. Никакого объяснения этому Емельянов не даёт, и это наводит на мысль об умолчании. Следующие документы дадут нам дополнительные факты на эту тему. Но и уже известное нам показывает корни конфликта: переселенцы шли не на пустое место. У них были в Харловой свои люди, от которых можно было и обстановку узнать, и пожить у них первое время. Неясной остаётся только история с оплатой приёмного приговора: на эту тему у нас есть пока только взаимоисключающие заявления, и никаких данных для решения противоречия.

Жалоба министру: новое о старожилах и о новосёлах

Со времени жалобы губернатору прошло едва больше месяца. По меркам делопроизводства второй половины XIX в. — это не тот срок, чтобы рассчитывать на губернаторский ответ. Но похоже, что сенокос и уборка урожая действительно стали временем быстро растущего напряжения. Пятнадцатым августа датирована очередная жалоба переселенцев — на сей раз в столицу Российской империи, министру внутренних дел⁵.

⁵ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 45. Д. 42. Л. 7-7 об., 11-11 об.

Уже сам по себе этот документ даёт кое-что новое к уяснению фактов. Ключевой фрагмент жалобы заслуживает цитирования подряд: «Общество то согласилось выдать на причисление наших симейств приемные приговора, за выдачу каторых получили 32 рубля и выпили два ведра вина, но затем от выдачи приговоров под подстрекательством однодеревенцев, так называемых горлопанов Алексея и Фомы Головиных, Захара Лорионова и Ивана Гуляева совершенно отказались требуя еще 43 рубля в общество, да себе на взятку сказанные Гарлопаны 25 рублей но долее воспрещают нам пражывать в их селении, вынуждая выехать оставя все занятия на произвол судьбы».

Указание на «горлопанов» как движущую силу разрыва между старожилами и новосёлами даёт нам усиление тезиса о разнородности старожилков. Кроме этого, мы видим ещё и любопытное описание старожильческих требований. Ёмкий, но неточный просторечный стиль даёт в данном случае забавный сплав взаимоисключающих утверждений. То ли общество недовольно малой платой и требует доплатить (и тогда, конечно, остаться), то ли — вынуждает оставить всё и уехать. Это даёт основание думать, что отказ общества (или его части) не был категоричным, и дело всё-таки упиралось в деньги. В то же время, если сопоставить сумму доплаты в 43 рубля с уже уплаченными 32 рублями и ставкой в 25 руб. за «ревизскую душу», то получится, что старожилы готовы были принять как максимум три семейства; между тем жалоба подана от шести домохозяев. Не исключена и такая трактовка: старожилы соглашались оставить Петра Емельянова с его ближайшими родственниками (раз уж с них задаток получен и отчасти выпит), но хотели отсечь «примкнувших к ним».

Эти сведения расширяют набор существующих версий описания того, что случилось — но не дают окончательного ответа, кто прав. Зато вспомогатель-

ные документы – приложенные к ходатайству «опросный лист» переселенцам и перечень переселенческих хозяйств – открывают истинную суть противоборства.

Краткий бланк переселенческой регистрации («опросный лист»)⁶, при всей бестолковости его заполнения, даёт главное: шесть семейств (тех самых, главы которых жаловались министру), как выясняется, насчитывали 71 душу обоего пола. Из них 42 человека приходились на клан Емельяновых, поделённый между Дмитрием Трофимовичем и Петром Андреевичем Емельяновыми. Полезное уточнение в эти цифры вносит следующий список⁷, дающий поимённую, и с указанием возраста, расшифровку сводных цифр. Из шести семейств, описанных в «опросном листе», расписаны только четыре – двое Емельяновых, Анисимов и Огарков. По-видимому, малочисленные семейства Хаустова и Колесникова воспринимались как примкнувшие к застрельщикам переселения.

Клан Емельяновых составляет потомство двух, по крестьянской терминологии, большаков – 75-летнего Андрея Изотовича и 80-летнего Дмитрия Трофимовича. Но если Дмитрий Трофимович сам записан главой семейства (а два его сына, женатых и с детьми – у него в подчинении), то Андрей Изотович показан как «отец наш» в семействе старшего из его сыновей Петра.

В состав семейства Петра Емельянова входят, помимо жены и детей, его (судя по отчествам) братья Фёдор, Андриян и Иван с жёнами и детьми, а также «сноха солдатская жена» с дочерью (жена, по-видимому, младшего из Андреевичей). Одни только Емельяновы привозят помимо двух стариков (75 и 80 лет), которым вряд ли потребуется пашня, шестерых взрослых мужиков от 34 до 46 лет и одиннадцать детей мужского пола от 2 месяцев до 16 лет, да ещё одну «солдатскую жену»,

⁶ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 45. Д. 42. Л. 8–8 об.

⁷ Там. же. Л. 9–10.

муж которой по возвращении из армии, конечно, придёт сюда же. Итого вместо одного «разведчика» Петра Емельянова оказывается восемнадцать претендентов на земельные наделы, а если считать «примкнувших к ним», то и все 36!

Перечни попутно подчёркивают и высокую организованность переселения. Переселенцы в своих жалобах стараются произвести впечатление беженцев, спасавшихся вдруг куда придётся: «...Прибыли для прокормления себя и своих алчущих от гнева Божьего мололетных детей в дер. Харлову... где как видя большие тысячи десятин нираспаханной степи красующей пред открытым небом, манившей своим приветом под покров как мать сыра земля, остановились хотя на имя Христово добыть себе кусок хлеба» (из жалобы министру). Это не более чем канон униженного прошения. На самом деле уже при регистрации на переселенческом пункте воронежцы точно указывают, что идут в д. Харлову, и при ответе на вопрос о методах выбора места указали все возможные варианты — и посылали ходоков, и узнали из писем родных, и «в Харловой родные причислены» (конечно, это Пётр Емельянов). Только в хорошо обеспеченную поездку можно было взять с собой всю семью от 2–3-месячных младенцев (коих четверо!) до 75–80-летних стариков (две пары!). И не просто взять, но довести их живыми.

Итак: не крестьянские жалобы, в которых доморощенные грамотеи являют свои представления о риторическом искусстве, а вспомогательные перечни раскрывают главный камень преткновения в харловском эпизоде. Получив согласие общества причислить двух или трёх домохозяев, Пётр Емельянов привёл семь десятков человек, включая с десятков годных работников, которым земля требуется немедленно.

Нельзя сказать, что старожилы в своих жалобах вовсе обошли стороной этот неожиданный ход переселенцев. Переселенцы прибывают «с большим чис-

лом годных работников в каждом семействе» — жаловались старожилы. Однако факт обмана не поставлен во главу угла. Старожилы решили противопоставить чужому обману — собственный. Они просто сделали вид, что никакого аванса не было.

Крестьянский начальник: сведения, противоречащие тенденции

В том, что касается уплаченных денег, полезные сведения даёт ответ чиновника по крестьянским делам С. Пузырёва на губернаторский запрос⁸. Чтобы лучше понять его смысл, надо учесть, что разобранное выше прошение переселенцев было в харловской истории уже не первым. По весне 1893 г. губернатор уже получал жалобу от имени Андрея Емельянова и спустил её на распоряжение чиновнику по крестьянским делам (об этом сообщает Пётр Емельянов в своей жалобе от 7 июля 1893 г.). Убедившись, что этот приём не сработал, губернатор перевёл дело на более высокий уровень. Полученные им в июле встречные жалобы Г. А. Тобизен вновь переслал чиновнику по крестьянским делам 2-го Бийского участка — но уже не на распоряжение, а на заключение. Право распоряжения на сей раз губернатор оставил за собой⁹.

Адресат губернатора отлично знал положение дел: переселенцы (как сообщил он сам) пытались жаловаться ему ещё в июне 1893 г., но получили от ворот поворот. С ответом он не спешил; запрос начальника губернии пролежал у него в бумагах месяца четыре. Но прощаясь с уходящим годом, аккурат в сочельник, С. Пузырёв разделался с этим долгом. Его ответ выдержан безусловно в антипереселенческом свете, без малейшей претензии на объективность. Тем не менее, он подтвердил ключевой факт, который старожилы аккуратно обошли — факт получения денег.

⁸ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 45. Д. 42. Л. 18-20.

⁹ Там же. Л. 1-1 об.

«Емельянов... стал просить общество о выдаче приемного приговора на две ревизских души муж. пола, которые еще были в россии¹⁰, обещая заплатить за это обществу по 25 руб. и ведру вина за каждую душу; — общество соглашаясь в цене, выдачу приемного приговора отклонило до того времени когда придут из россии остальные члены семьи Емельянова. — Весной 1892 года, когда прибыло в дер. Харлову семейство Емельянова и общество узнав, что в число новых членов должно поступить не две души, а 10 годных работников, от выдачи приемного приговора окончательно отказалось». Деньги же с Емельянова, — настаивал С. Пузырёв, — были взяты только «за право пользования выгодами сельского хозяйства».

Желая доказать правоту харловских старожил, С. Пузырёв выдал главную их тайну: деньги действительно были взяты. Притом сумма, указанная чиновником (42 руб.), отлично вяжется со словами Петра Емельянова о том, что он уплатил 32 руб. в счёт приёмных приговоров, и ещё по 5,25 они с братом уплатили в счёт податей.

Почему С. Пузырёв, уже имея к моменту получения запроса определённое мнение, тянул с ответом? Похоже, что получив вроде бы нейтральный запрос «мнения», опытный чиновник понял, куда дует ветер. И потому не только изложил собственное мнение (которое, как он догадывался, не понравится начальству), но и подкрепил свою позицию авторитетом правления Алтайского округа. Отдельным документом он приложил скопированную «надпись» на прошении крестьянина Никифора Жугина¹¹. В ней содержалось свежее (август 1893 г.) напоминание начальника Алтайского округа о невозможности причисления к обществу без приемного приговора.

¹⁰ В этом документе «Россия» как обозначение европейской части страны неоднократно пишется со строчной буквы.

¹¹ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 45. Д. 42. Л. 21.

На этом дело как будто заглохло. Однако в феврале 1894 г., упреждая начало новой посевной кампании, Пётр Емельянов напомнил губернатору и о себе, и о предыдущем своём прошении¹². Оказывается, только после этого, 21 марта 1894 г., августовская жалоба переселенцев, полученная губернатором из МВД 8 октября 1893 г., была переправлена дальше по стандартным инстанциям (крестьянскому чиновнику)¹³. Чего ждало губернское правление больше четырёх месяцев? Напрашивается ответ: ждало ответа крестьянского чиновника по предыдущему запросу. Но дело не только в этом.

Уже изложенный ответ С. Пузырёва был получен губернскими чиновниками 8 января 1894 г. Карандашная помета внизу этого документа и карандашные же исправления по тексту ясно показывают, что сотрудники губернского управления начали готовить на его основе решение по жалобе переселенцев, и решение это было отказное.

Однако это решение принято не было, а в конце февраля поступила уже упомянутая новая жалоба переселенцев. Вот после этого крестьянскому чиновнику и переслали столичный запрос с требованием «надлежащих сведений» (между тем как сведения по жалобе губернатору уже были доставлены, а жалоба министру не содержала новых фактов, требующих особого ответа). Более того: чиновнику было предложено донести о распоряжениях (!) по жалобе № 2584 — жалобе переселенцев, а не старожилов (хотя и те, и другие подали свои обращения в один день)! Теперь уже не оставалось сомнений, что губернатор настроен помочь переселенцам.

Так бывало не раз: пока дело разбирали низовые чиновники, они мыслили исключительно в рамках закона; как только дошло до губернатора, он начал раз-

¹² ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 45. Д. 42. Л. 4 - 5 об.

¹³ Там же. Л. 2 об. - 3 об.

мышлять о государственной необходимости и искать правду с обеих сторон.

Крестьянский чиновник (Поникаровский, преемник Пузырёва) не стал тянуть и 5 апреля 1894 г. отправил отношение томскому губернатору по столичной жалобе харловских переселенцев¹⁴. Впрочем, ответ был кратким и ограничивался отсылкой к декабрьскому ответу на аналогичную жалобу.

То ли новый чиновник ещё не разобрался в обстановке, то ли настаивал на правоте своего предшественника, но только его ответ действительно заставил губернатора вернуться к декабрьскому мнению С. Пузырёва. Прежде чем принимать окончательное решение, губернатор 11 апреля 1894 г. обратился к окружному начальству¹⁵. Таким образом, Пузырёв рассчитал верно: все его логические доводы были отвергнуты, а ссылка на авторитет Алтайского округа затормозила решение дела в пользу переселенцев.

Соломоново решение от начальника округа

Окружному начальству были пересланы жалобы с обеих сторон баррикады (и старожилов, и переселенцев). Но «заключение» требовалось только на одну из них — «о выдворении переселенцев из д. Харловой». Это логично: мнение округа по запросу новосёлов уже известно из ответа на ходатайство Жугина. И мнение это — самое простое: дал ссылку на закон — и ничего делать не надо. А вот по ходатайству старожилов следовало либо (если точно воплощать закон) что-то делать (выдворять переселенцев), либо придумывать более хитрые основания для отказа старожилам.

Начальник округа В. К. Болдырев не стал откладывать дело в долгий ящик, и 21 июня 1894 г. сообщил своё мнение томскому губернатору¹⁶. Весь этот доку-

¹⁴ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 45. Д. 42. Л. 6.

¹⁵ Там же. Л. 12-12 об.

¹⁶ Там же. Л. 13-15.

мент пропитан настроением в поддержку переселенцев. Уже в преамбуле, кратко излагая содержание полученных от губернатора документов, автор записки утверждает, что сведения С. Пузырёва «не дают достаточно ясных указаний и прямого ответа, которые из этих двух ходатайств представляются более справедливыми» — хотя сам-то Пузырёв высказывал вполне определённое мнение. Правление округа имело право счесть этот ответ неубедительно обоснованным — но его никак нельзя было назвать неясным. Раньше, чем правление округа начало формулировать свои предложения, оно уже явно выказало отношение к этому делу.

Читаем далее: «голословное заявление [Пузырёва], что переселенцы водворились в деревне Харловой самовольно, не находит подтверждения». И особенно интересное: «Из прошения самого доверенного крестьян деревни Харловой — Гуляева и сообщения Г. Чиновника по крестьянским делам видно, что переселенцы начали селиться в их деревне с 1891 года, живя сначала в работниках у общественников и на квартирах и только впоследствии обзавелись собственными постройками». Между тем, из жалобы Гуляева этого не видно, и только Пузырёв действительно упоминал этот факт в существенно другой окраске, упрекая Петра Емельянова за то, что тот в 1891 г. «самовольно без спроса общества остановился жить, сначала жил на квартире у своих же российских переселенцев». Как видно, крестьяне-старожилы оказались предусмотрительнее крестьянского чиновника: они вовсе замаскировали факт наличия у П. Емельянова своих людей среди членов общества, а чиновник пытался использовать его против переселенцев — но тем самым дал возможность Болдыреву повернуть его против старожилов.

Дальше — больше: «Уже одно признание самим доверенным деревни Харловой, что переселенцы первоначально жили в работниках, а также и то обстоя-

тельство, что старожилы деревни Харловой, только спустя два года после первоначального водворения, стали ходатайствовать о выселении переселенцев, служит достаточным доказательством, что переселенцы водворились не только с согласия некоторых общественников, но и с ведома общества, которое своевременно не приняло никаких мер, к воспрепятствованию переселенцам селиться в их деревне» — победоносно заключает В. К. Болдырев. На самом деле у К. А. Гуляева нигде не сказано, что переселенцы изначально жили в работниках. Скорее, наоборот: он упирает, что переселенцы «самопроизвольно без согласия общества устраивают себе усадьбы[,] вырубают у нас последний около деревни таловый лес на свои лачуги и плетни, насильно развивают свои хозяйства, запахивают у нас своею силою последние залюги[,] разводят скотоводство более старожила, насильно пользуются сенокосами» (подчёркнуто везде нами). Но для кабинетского начальства уже не важно, что именно писали старожилы. Главное — что работающий против них факт так или иначе установлен, первый ключевой для подобных споров вопрос решён: конфликту предшествовало сотрудничество.

Ещё один ключевой для харловской истории вопрос — это вопрос о деньгах. Старожилы этот подводный камень обошли совершенно, а крестьянский чиновник дал объяснение, как будто, юридически безупречное: платежи переселенцев — это аренда. Налицо, таким образом, два взаимоисключающих утверждения: Пузырёв против Емельянова. Как понять, где правда? Управляющий Алтайским округом эту загвоздку решил легко и непринуждённо: 42 рубля — слишком много в качестве платы за ведение хозяйства (которого, к тому же, в 1891 г. у Емельянова не было) — значит, назначение денег было другое.

Настрой в пользу переселенцев не помешал В. К. Болдыреву увидеть, что именно П. А. Емельянов

нарушил договор, приведя вместо двух новых жителей целый отряд своих односельчан. Но наказание за это нарушение предлагал весьма умеренное: «...Не отвергая права общества, по изменившимся обстоятельствам отказаться от выдачи приемного приговора, нахожу что в этих случаях на обществе должна лежать обязанность возратить полученные деньги и вознаградить переселенцев за убытки». Под «вознаграждением за убытки» (сверх возврата денег) подразумевалась необходимость вернуть деньги ещё и за дома, если таковые покупались (автор документа специально оговаривался, что этот важный вопрос — были ли дома куплены или построены самостоятельно — не решён предоставленными бумагами).

Переходя к практическим предложениям, В. К. Болдырев проявил умение маневрировать в рамках закона: «...Так как ходатайство переселенцев заключается лишь в просьбе о дозволении им проживать в деревне Харловой, для чего необходимо одно нахождение у них паспортов или других видов, дающих право повсеместного жительства, следует заключить, что ходатайство это не может быть не уважено».

Формально решение безупречное: действительно, чтобы выбрать место жительства, достаточно паспорта. Одно плохо: про землю ничего не сказано. А суть-то в ней, и право пользования землёй — только у членов общества.

Поэтому автор всё-таки не останавливается на достигнутом и (попутно напомнив о том, что надел общества двукратно превышает норму, даже если не считать неудобных земель) завершает так: «...Я нахожу справедливым, если со стороны Вашего Превосходительства будут приняты меры к оказанию влияния на крестьян деревни Харловой, чтобы они выдали названным переселенцам Воронежской губернии приемные приговора без взимания значительных денежных сборов.»

На фоне предыдущего долго перечисления вин старожилов предложение решить дело уплатой им же дополнительных денег выглядит неожиданно. К концу документа В. К. Болдырева читатель уже ждёт торжественного провозглашения победы переселенцев. Но оказывается, что все антистарожильческие доводы кабинетского начальства — лишь попытка выровнять чаши весов, которые слишком очевидно накренились в пользу старожилов. Единственный, но зато бесспорный их довод формулирует между прочим сам же Болдырев: «причисление переселенцев к деревне Харловой, согласно 142 ст. Общ[его] Полож[ения] о крестьянах, до воследования изменений в законодательном порядке, может состояться не иначе, как по получении приемного приговора». Здесь показательно и это «воследование изменений», о подготовке которых высокий чиновник уже знает. Но важно и указание на приёмный приговор, который пока обойти невозможно.

По существу, кабинетское начальство в своём отзыве советовало губернским чиновникам, чем можно припугнуть старожилов, чтобы добиться от них приёмных приговоров на приемлемых условиях. Но без этих приговоров — все понимали — помочь переселенцам нельзя.

Точка в деле была поставлена после долгой паузы 24 июля 1896 г. отношением губернатора чиновнику по крестьянским делам¹⁷. Поскольку оно отправлено в ответ на представление С. Пузырёва от 24 декабря 1893 г., мы можем судить, что в эти два года бумаги не потеряны, их просто не было. Вероятно, это означает, что переселенцам так или иначе удалось примириться со старожилами. Это позволило губернатору не торопить события и дожидаться закона от 27 апреля 1896 г. Закон этот, о подготовке которого высокие начальни-

¹⁷ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 45. Д. 42. Л. 31-32.

ки знали, по-видимому, уже в разгар харловского противостояния, постановил «лиц сельского состояния и мещан, переселившихся, до времени издания настоящего положения, в Алтайский горный округ, ныне же причислить к местам нового водворения»¹⁸. Лица, «имеющие домообзаводство» и «занимающиеся хлебопашеством», причислялись независимо от желания старожилов. Кратко сославшись на этот закон и перечислив важнейшие доводы В. К. Болдырева двухлетней давности, губернатор резюмировал: «Я, не признавая возможным удовлетворить в настоящее время ходатайство крестьян д. Харловой о выдворении означенных переселенцев, уведомляю об этом Ваше Высокоблагородие... для надлежащих распоряжений о не стеснении переселенцев в проживании д. Харловой и для объявления просителям».

Доводы и выводы

Харловский случай проявляет некоторые черты, присущие Великому сибирскому переселению в целом. Это и роль «новых старожилов», служащих в первое время опорой для вновь приходящих односельчан. И наличие разных групп среди «старых старожилов». И предварение этапа борьбы стадией сотрудничества. И различное отношение высших и низших властей к вопросу о правых и виноватых. Но есть изюминка — и это история разрыва отношений уже, казалось, оформленных необратимо.

Что мы знаем точно: переселение воронежских крестьян началось с засылки ходока, который немного поработал в батраках, заплатил обществу за приёмный приговор и тем приобрёл доверие старожилов. Ходок выговорил право вернуться не одному, а ещё с одной или двумя «душами мужского пола» — всего, значит,

¹⁸ Об устройстве переселенцев Алтайского округа, ведомства Кабинета Его Величества : полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 16. Ч. 1. С. 323–324. № 12837.

как максимум три претендента на надел. На самом деле пришло шесть семейств, причём некоторые из них объединяли под одной крышей несколько самостоятельных семей, взрослых братьев с жёнами и детьми. При этом в семьях имелись ещё и неотделённые (неженатые) годные работники, а также дети мужского пола, которые через пять-десять лет тоже должны были стать годными работниками. Всего один «разведчик» привёл семь десятков человек обоего пола. Вопрос: был ли то изначальный замысел Петра Емельянова, или он действительно рассчитывал вернуться в Харлову малым составом, а попутчики к нему пристроились против его ожидания?

Конечно, оставляя жену с четырьмя детьми на время хождения и пропуская при этом пахотный сезон, Пётр Емельянов, рассчитывал на помощь младших братьев, с которыми заранее обсудил дальнейшие планы. Но ведь можно допустить, что планы клана Емельяновых поменялись уже после того, как в полной мере проявился катастрофический неурожай в Европейской России.

Обратим внимание на то, какими словами Пётр Емельянов сообщает о начале всей истории: «Общество этой деревни состоящее из старожилов Сибиряков дали мне свое согласие на выдачу приемного приговора, и поэтому я сообщил в Россию своим братьям и отцу чтобы они приезжали ко мне на новое место жительства» (жалоба от 7 июля 1893 г.). Важнейшее здесь слово — «поэтому». Пётр вызвал братьев и отца в расчёте на данное обществом обещание выдать приёмные приговоры. Но отец и братья — это уже пять взрослых крестьян, а приговоров Пётр просил лишь два. Пётр просил заведомо меньше приговоров, чем требовалось.

Обращает на себя внимание и понятие «ревизская душа» при описании П. Емельяновым платы за причисление («по 25 руб. и одному ведру водки за каждую ревизскую душу»). Почти через сорок лет после

последней ревизии населения, после отмены (в Европейской России) подушной подати, создавшей некогда основу для этих ревизий, понятие это выглядит устаревшим. Но по привычке оно использовалось, и не только крестьянами. Начальник Алтайского округа писал, что надел деревни Харловой «состоит в пользовании всего 155 домохозяев, заключающих в себе 209 наличных ревизских душ уплачивающих установленный оброк». Следовательно, в устах В. К. Болдырева понятие «ревизская душа» имело значение годного работника (независимо от того, был ли он учтён последней ревизией 1857 г.). Но переселенцы используют это понятие иначе. В перечне, приложенном к ходатайству в министерство, говорится «о ревизских и неревизских душах». Правда, лишь для двух человек из семи десятков указана принадлежность к ревизским или неревизским, но зато мы знаем, что 53-летнего Игнатия Анисимова переселенцы числили ревизской душой, а его 27-летнего сына Михаила — неревизской. Уже ясно, значит, что «ревизская душа» в устах переселенцев — не годный работник, а что-то иное. По всей видимости, переселенцы использовали это понятие в значении «глава семейства». Тогда, действительно, Емельяновым, которые записали себя как две семьи, хватило бы двух приговоров. Однако для этого требовалась сознательная подмена понятий. Переселенцы делали вид, что разводят понятия ревизской души и годного работника — но при этом пытались вклиниться в ту систему, где дефицитный ресурс (земля) распределяется именно по годным работникам.

Заслуживает внимания ответ старожилков на действия переселенцев. Не очень удивительно, что принимать так много новых членов они не были готовы даже за деньги — во всяком случае, за те деньги, о которых договорились с П. А. Емельяновым. (Не исключено, что расхождения в описании переселенцами цены

приёмных приговоров — то ли 25 руб., то ли 50 руб. — это отголосок одного из мнений старожилов: принять с увеличением приёмной платы). Но более того: даже самого Петра Емельянова они решили не пускать, а ведь он уже сполна оплатил собственное причисление. Отказ старожилов от своего собственного обещания выдать приёмный приговор позволяет думать, что они не просто посчитали условия договора нарушенными, но увидели в действиях Петра Емельянова прямой обман. «Военной хитрости» переселенцев они противопоставили собственную «военную хитрость».

Чтобы не возвращать деньги (уже, вероятно, потраченные на общественные нужды), общество остроумно решило зачесть их в счёт полетков за один год. Такое объяснение решает проблему мирного сосуществования в 1892 г. То, что казалось бы чрезмерным в качестве полетков для одного человека, не имеющего даже хозяйства, выглядело вполне умеренной платой для доброго десятка взрослых мужиков с семьями.

Итоговая победа переселенцев во многом объясняется курсом администрации на заселение края. Но и для начальства махинация переселенцев была совершенно очевидна. Даже начальник округа, толкующий спорные факты в пользу переселенцев, признавал право старожилов «по изменившимся обстоятельствам» отказать от приёмного приговора.

Всё это позволяет думать, что переселенцы с самого начала ожидали сопротивления старожилов многочисленной партии. Синелипяговские крестьяне шли не наобум — в места, уже обжитые их односельчанами, и с предварительной засылкой ходока. Они были хорошо подготовлены как к трудностям пути, так и к трудностям устройства на новом месте. Одним из главных препятствий они видели сопротивление старожилов, для введения которых в заблуждение и была придумана система проглатывания пилюли по кусочкам. Система эта в харловском случае оказалась относительно

успешной: переселенцам удалось достичь желаемого даже независимо от благожелательного закона 1896 г. Но даже на фоне избытка пахотных земель этот результат стоил напряжённой и рискованной борьбы, чреватой физическими увечьями и материальными потерями. К тому же, надо полагать, что произошедшее резко ограничило возможность дальнейшего приселения в Харлову — а ведь численность селения выросла после прихода партии Петра Емельянова на десять, много — двадцать, процентов. Так механизм цепной миграции, облегчавший медленное постепенное переселение в Сибирь, доказал свою непригодность для быстрого освоения огромных просторов.

Список использованной литературы

1. Baines D. European Emigration, 1815-1930: Looking at the Emigration Decision Again [Electronic resource] / D. Baines // *The Economic History Review. New Series.* — 1994. — Vol. 47, no. 3. — P. 525-544. — Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/2597592>. — DOI: 10.2307/2597592.
2. Hatton T. J. After the Famine: Emigration from Ireland, 1850-1913 [Electronic resource] / T. J. Hatton, J. G. Williamson // *The Journal of Economic History.* — 1993. — Vol. 53, no. 3. — P. 575-600. — Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/2122406>.
3. Hatton T. J. *The Age of Mass Migration: Causes and Economic Impact* / T. J. Hatton, J. G. Williamson. — New York : Oxford University Press, 1998. — 301 p.
4. MacDonald J. S. Chain Migration Ethnic Neighborhood Formation and Social Networks [Electronic resource] / J. S. MacDonald, L. D. MacDonald // *The Milbank Memorial Fund Quarterly.* — 1964. — Vol. 42, no. 1. — P. 82-97. — Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/3348581>.
5. Treadgold D. W. *The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War* / D. W. Treadgold. — Princeton : Princeton University Press, 1957. — 278 p.
6. Wegge S. A. Chain Migration and Information Networks: Evidence from Nineteenth-Century Hesse-Cassel [Electronic resource] / S. A. Wegge // *The Journal of Economic History.* — 1998. — Vol. 58, no. 4. — P. 957-986. — Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/2566846>.

7. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881-1904 / А. М. Анфимов. — М. : Наука, 1980. — 240 с.
8. Давыдов М. А. Двадцать лет до великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина / Давыдов М. А. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Алетейя, 2016. — 1080 с.
9. Мамсик Т. С. Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40-90-е годы XVIII в. / Т. С. Мамсик. — Новосибирск : Наука, 1978. — 206 с.
10. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. / Н. Н. Покровский. — Новосибирск : Наука, 1974. — 394 с.
11. Разгон В. Н. Столыпинская аграрная реформа и Алтай / В. Н. Разгон, А. А. Храмов, К. А. Пожарская. — Барнаул : Изд-во АГУ, 2010. — 278 с.
12. Сибирские переселения : сб. док. / под ред. М. В. Шиловского. — Новосибирск : Сова, 2006. — Вып. 2 : Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений. — 264 с.
13. Складов Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Складов. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. — 588 с.
14. Тетеревлева Т. П. Трансатлантическая эмиграция в шведской историографии XX века: основные подходы и проблемы изучения [Электронный ресурс] / Т. П. Тетеревлева // Скандинавские чтения 2010 года: этнографические и культурно-исторические аспекты. — СПб., 2012. — С. 246-258. — Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/987-5-88431-196-1/987-5-88431-196-1_14.pdf.
15. Тудоряну Н. Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Н. Л. Тудоряну. — Л., 1988. — 39 с.

References

1. Baines D. European Emigration, 1815-1930: Looking at the Emigration Decision Again. *The Economic History Review. New Series*, 1994, vol. 47, no. 3, pp. 525-544. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2597592>. DOI: 10.2307/2597592.
2. Hatton T. J., Williamson J. G. After the Famine: Emigration from Ireland, 1850-1913. *The Economic History Review*, 1993, vol. 53, no. 3, pp. 575-600. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2122406>.
3. Hatton T. J., Williamson J. G. *The Age of Mass Migration: Causes and Economic Impact*. New York, Oxford University Press, 1998. 301 p.

4. MacDonald J. S., MacDonald L. D. Chain Migration Ethnic Neighborhood Formation and Social Networks. *The Milbank Memorial Fund Quarterly*, 1964, vol. 42, no. 1, pp. 82-97. Available at: <https://www.jstor.org/stable/3348581>.

5. Treadgold D. W. *The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War*. Princeton University Press, 1957. 278 p.

6. Wegge S. A. Chain Migration and Information Networks: Evidence from Nineteenth-Century Hesse-Cassel. *The Journal of Economic History*, 1998, vol. 58, no. 4, pp. 957-986. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2566846>.

7. Anfimov A. M. *Krest'yanskoe khozyaistvo Evropeiskoi Rossii. 1881-1904* [Peasant farms of European part of Russia, 1881-1904]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 240 p.

8. Davydov M. A. *Dvadtsat' let do velikoi voiny: rossiiskaya modernizatsiya Vitte-Stolypina* [Twenty years before the Great War: the Russian modernization of Witte and Stolypin]. 2nd ed. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2016. 1080 p.

9. Mamsik T. S. *Pobegi kak sotsial'noe yavlenie. Pripisnaya derevnya Zapadnoi Sibiri v 40-90-e gody XVIII v.* [Escapes as a social phenomenon: bonded village of Western Siberia in 1740-1790s]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978. 206 p.

10. Pokrovskii N. N. *Antifeodal'nyi protest uralo-sibirskikh krest'yan-starobryadtsev v XVIII v.* [Antifeudal protest of Ural-Siberian peasant-Old Believers in the 18th century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974. 394 p.

11. Razgon V. N., Khramkov A. A., Pozharskaya K. A. *Stolypinskaya agrarnaya reforma i Altai* [The Stolypin agrarian reform and Altai]. Barnaul, Altai State University Publ., 2010. 278 p.

12. Shilovskii M. V. (ed.) *Sibirskie pereseleniya* [Siberian Migration]. Novosibirsk, Sova Publ., 2006, iss. 2. 264 p.

13. Sklyarov L. F. *Pereselenie i zemleustroistvo v Sibiri v gody stolypinskoi agrarnoi reformy* [Resettlement and Land Management in Siberia During the Years of the Stolypin Land Reform]. Leningrad State University Publ., 1962. 588 p.

14. Teterevleva T. P. Transatlantic Emigration in Swedish Historiography of the 20th century: Basic Approaches and Research Issues. *Skandinavskie chteniya 2010 goda: etnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty* [Scandinavian Reading 2010: ethnographic, cultural and historical aspects]. Saint Petersburg, 2012, pp. 246-258. Available at: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/987-5-88431-196-1/987-5-88431-196-1_14.pdf. (In Russian).

15. Tudoryanu N. L. *Ocherki rossiiskoi trudovoi emigratsii perioda imperializma. Avtoref. Dokt. Diss.* [Essays on Russian labor emi-

gration in the period of imperialism. Doct. Diss. Thesis]. Lenin-grad, 1988. 39 p.

Информация об авторах

Кириллов Алексей Константинович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сектор истории второй половины XVI — начала XX в., Институт истории, Сибирское отделение Российской академии наук; доцент, кафедра отечественной истории, Новосибирский государственный университет, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: alkir.nsk@gmail.com.

Караваева Анастасия Геннадьевна — директор, Государственный архив Томской области, 634009, г. Томск, ул. Vodnyaya, 78, e-mail: anast@post.tomica.ru.

Authors

Alexey K. Kirillov — Ph.D. in History, Senior Researcher, 2nd Half of 16th — Early 20th Century History Sector, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Russian History Department, Novosibirsk State University, 8 Nikolaev Str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: alkir.nsk@gmail.com.

Anastasiya G. Karavayeva — Director, State Archive of Tomsk Region, 78 Vodjanaja Str., 634009, Tomsk, Russian Federation, e-mail: anast@post.tomica.ru.

Для цитирования

Кириллов А. К. Скрытые технологии Великого сибирского переселения: взлом старожильского общества переселенцами (Харловский конфликт 1893 года) / А. К. Кириллов, А. Г. Караваева // Историко-экономические исследования. — 2018. — Т. 19, № 4. — С. 479–513. — DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(4).479-513.

For Citation

Kirillov A. K., Karavayeva A. G. Hidden Technologies of the Great Siberian Migration: Newcomers Breaking Into the Old Residents Community (Kharlova Village Conflict of 1893). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2018, vol. 19, no. 4, pp. 479–513. DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(4).479-513. (In Russian).